

Глава 1

Человечек с автоматом наперевес прыгнул в открывшийся люк, опустил на колени и немедленно открыл огонь по целой орде двухголовых монстров, появившихся из оскаленного обломками камней пролома в стене подвала.

— А завтра? — спросила Нина. — Суббота же. Что мы завтра с тобой делать будем?

Огненный шквал заставил человечка подняться с колен и резво отбежать за первый попавшийся угол — это двигался по трупам расстрелянных монстров механический паук, похожий на средних размеров танк.

— Васик! — снова позвала Нина. — Ты меня слышишь или нет? Завтра, между прочим, суббота, выходной.

Прикончив механического паука парой гранат, человечек двинулся дальше — бегом по открытому коридору. Несколько раз из ниш в стене появлялись тупые рожи двухголовых монстров, но человечек, не останавливаясь, косил их автоматными очередями, не давая им возможности воспользоваться

оружием — в лапах монстров угрожающе поблескивали огромные бластеры. Когда коридор закончился, человек подпрыгнул и повис на дверце ведущего наверх люка. В тот же момент сразу с десятков монстров во главе с тремя механическими пауками появились в пустом еще секунду назад коридоре. И люк закрылся, отрезав человечку путь наверх.

— Васик, да оторвись ты от своего проклятого компьютера!

Васик дрыгнул ногой, взвыл и ожесточенно застучал по клавиатуре, но ничего сделать уже было нельзя — человек, пораженный лучами бластеров и огненными плевками механического паука, испустил тоскливый писк и издох на залитом зеленой кровью чудовищ полу коридора.

Нина, воспользовавшись моментом, щелкнула кнопкой и отключила компьютер. Васик еще некоторое время смотрел на потухший экран монитора, потом убрал руки с клавиатуры, вздохнул и наконец повернулся к Нине.

— Последний уровень остался, — огорченно сообщил он. — Кто же знал, что там потайная дверь есть, откуда все эти сволочи появились. А этот люк оказался ловушкой... Прямо нервов никаких не хватает. Нет, скажи мне, Нина, разве можно компьютерные игры так делать? Чтобы они нервы трепали? Компьютерные игры развлекать должны...

— Компьютерные игры должны развле-

кать пятнадцатилетних подростков, — устало проговорила Нина, присаживаясь на диванчик рядом с Васиком, — а тебе, дорогой, тридцатник скоро стукнет.

— Не скоро, — сказал Васик, — а через четыре года. Ты должна радоваться, что я... это... душою не старею.

— Я и радуюсь, — вздохнула Нина, — только, по-моему, ты не только не стареешь... а душа твоя все молодеет день ото дня. Скоро в войнушку будешь играть во дворе. С пятилетними.

Васик пожал плечами, словно пытаясь сказать, что не исключает и такую возможность.

— Дело в том, — сказал он, удобно разваливаясь на диванчике и приобнимая за плечи Нину, — что ты мне пить не разрешаешь. Сколько мы с тобой живем вместе — три месяца? Да у меня такого длительного периода воздержания от спиртного уже лет десять не было. Вот моя нереализованная энергия и прет наружу.

— А может, работать пойти? — поинтересовалась Нина. — Тебе уже двадцать шесть, а ты в своей жизни ни дня не ходил на службу. Сколько можно сидеть на шее у отца?

Васик поморщился, словно раскусил конфету, внутри оказавшуюся горькой.

— Ему мое сидение на шее необременительно, — глядя куда-то в сторону, прогово-

рил он. — Отец в последнее время так поднялся, что пол-Москвы скупил. Ну, если не половину, то... третью часть, это уж точно.

— Какая разница? — возразила Нина. — Все равно сидеть не шее у родителей в таком возрасте... нехорошо. И стыдно.

— Понимаю, — Васик убрал руку с плеча Нины и немного отодвинулся. — И обещаю, что скоро найду работу. — Он заговорил быстрее, видя, что Нина хочет ему что-то сказать: — Да, знаю, что обещал месяц назад, но... Нина, пойми! — Рука Васика осторожно подползла к Нининой коленке, — мне же нужно немного того... акклиматизироваться. Немного почувствовать свое новое положение... почти женатого человека. Видишь, я уже и пить перестал...

— Зато целыми днями в компьютерные игры режешься, — сумела-таки вставить слово Нина.

— Ведь работу не так просто найти, — оставив реплику без ответа, продолжал Васик. — Ты вот искала работу и нашла, но не то, что хотела. Ты ведь хотела музыку преподавать, а стала продавцом-консультантом. Впариваешь людям мебель сборки шотландских мастеров, произведенную бог знает когда в Гонконге...

— На первое время и это сойдет, — резонно заметила Нина, — а вот ты...

Васик поднялся и одернул коротенькую, едва прикрывающую ему живот майку, отбросил назад упавшую на лицо длинную прядь волос и, подняв руку в жесте, очень напоминающем пионерский салют, проговорил:

— Торжественно обещаю и клянусь в ближайшем будущем... То есть — в ближайшем месяце найти работу и перестать сидеть на папиной шее. Так пойдет?

— Это уже лучше, — просияла Нина. — Итак, возвращаясь к нашему разговору... Куда мы с тобой пойдём завтра?

Васик задумался.

— В ресторан? — предположил он.

— Сколько можно по ресторанам ходить? — поморщилась Нина. — Тем более что там для тебя — как для непьющего — слишком много искушений. Да ещё ты меня позоришь в приличных местах.

— Это как? — удивился Васик.

— А кто на прошлой неделе устроил в «Золотой гриве» скандал из-за того, что ему не подали безалкогольную водку и безалкогольный коньяк?

— Ну, да, — вспомнил Васик, — было дело. Так «Золотая грива» — не единственный ресторан в Москве... Ладно, если не хочешь в ресторан, пойдём в кино.

Нина вздохнула.

— А может быть, — робко предложила

она, — сходим в консерваторию? Из Софии камерный оркестр под управлением Казаджиева приезжает... Бах, Иоганн Себастьян. Бранденбургский концерт. Ты когда-нибудь слышал Бранденбургский концерт, а, Василенька?

— Откуда? — проворчал Васик. — Я и за границей-то никогда не был.

Нина хихикнула.

— Хорошо, — проявил смирение Васик, — сходим на твоего Иоганна Себастьяновича. Только потом в ночной клуб какой-нибудь заглянем, подрыгаемся...

— Как скажешь, — повеселела Нина, — подрыгаемся, так подрыгаемся...

Васик шутливо зарычал, подхватил Нину на руки и подбросил вверх. Долетевший из прихожей звонок в дверь заставил его на секунду отвлечься — и он едва не уронил уже приготовившуюся к неминуемому столкновению с полом Нину.

— Кто это может быть? — удивился Васик, опуская ее на диван.

Та поднялась на ноги, оправила халатик.

— Сейчас узнаю, — сказала она и пошла открывать.

Едва она дошла до прихожей и прикоснулась к дверному замку, как из комнаты Васи́ка опять понеслись звуки выстрелов и предсмертные вопли монстров.

Тянущиеся ко мне нити были похожи на непрерывно спаривающихся гигантских червей. Я рванулась, чтобы бежать, но оказалось, что мои ноги уже давно и прочно оплетены отвратительно липкой, скользкой, но удивительно прочной, цепкой паутиной.

Я рванулась сильнее, но паутина снова выдержала. Тогда я упала на колени и попыталась уцепиться за землю, потому что почувствовала, как нити паутины тянут меня назад — в чернеющую неподалеку яму. Пальцы мои скользили по совершенно гладкой поверхности, а рухнувшая сверху липкая и мерзко воняющая сеть паутины разом спеленала меня так, что я едва могла шевельнуться. Не осталось ни малейшей возможности к сопротивлению. Натягиваясь и сжимаясь с ужасающим чавканьем, нити тащили меня к яме. Не в силах сопротивляться, я попыталась закричать, но крик тут же залепили набившиеся в рот клочья паутины. Это было так отвратительно и страшно, что я не в состоянии была даже заплакать.

Беспомощную, меня волокли по земле к черной яме. И только когда мои ноги уже повисли над пустотой, я вдруг подумала о том, *кто* из крошечной темноты жутко глубокой ямы тянет за липкие нити паутины, и мне стало по-настоящему страшно.

Выплюнув изо рта вонючие клочья, я закричала и снова отчаянно рванулась в безуспешной попытке освободиться.

Движение прекратилось, но только на миг. Через мгновение мое тело уже перевалилось через край ямы — и я полетела в крошечный бездонный мрак. Неизвестно, что было бы, если бы я все-таки достигла дна этой бесконечной ямы, если бы я наконец не...

* * *

...Если бы я не проснулась.

Вскочив с постели, я первым делом закашлялась, стараясь избавиться от набившейся в рот паутины и все еще трясясь от испуга, но не сразу поняла, что никакой паутины во рту нет.

Я с облегчением выдохнула и снова опустилась на подушки, стараясь успокоить бешено стучащее сердце. А когда высох холодный пот на лбу, я нашла в себе силы подняться, чтобы пройти на кухню за стаканом воды.

Однако стоило мне пошевелиться, как проснулся тот, кто спал рядом со мной. Увидев, что я бодрствую, Витя приподнялся на локтях и посмотрел на настенные часы.

— Шесть утра, — хриплым со сна голосом констатировал он.

■ — Да, — сказала я, — рано еще.

Витя внимательно посмотрел на меня, потом осторожно положил руку мне на грудь.

— Опять? — спросил он.

Я кивнула.

Витя убрал руку и сел на постели. Широко зевнул, потянулся за сигаретами. Я передала ему зажигалку и пепельницу со стола. Несколько раз затянувшись, он проговорил, задумчиво глядя в стену:

— Знаешь, Ольга... Может быть, тебе показаться врачу? У меня есть один хороший знакомый психиатр.

— По-твоему, я сумасшедшая? — криво усмехнулась я, тоже закуривая.

— Разве я сказал это? — Витя удивленно посмотрел на меня. — Просто... мне кажется это не совсем... нормальным. Каждый день ты просыпаешься оттого, что тебе снится кошмарный сон, причем один и тот же.

— Бывает, — проговорила я.

— Но не два же месяца подряд!

Я ничего не ответила, промолчала. А что говорить? Возразить-то нечего. Действительно, я — Калинова Ольга Антоновна — уже второй месяц почти каждый день, то есть почти каждую ночь, просыпаюсь в холодном поту от того, что мне снится кошмарный сон: кто-то невидимый, опутав меня паутиной, волочет в огромную яму. Как я падаю в яму и никак не могу долететь до дна.

«Очень даже хорошо, — подумала я, —

что хоть не долетаю... Если бы увидела, что там, на этом дне, наверное, вообще бы не проснулась...»

— Я тут вот о чем... где пепельница? Ага... Я тут вот о чем подумал, — снова заговорил Витя, стряхивая пепел со своей сигареты в подставленную пепельницу, — ты только не возмущайся и дураком меня не называй и... поспешных выводов не делай, просто послушай, ладно?

— Ну, — кивнула я, — говори.

Витя сосредоточенно и тщательно загасил окурок и, глядя мне прямо в глаза, начал медленно подбирать слова:

— Мы ведь с тобой... третий месяц встречаемся, правда? И... второй месяц ты видишь каждую ночь кошмарные сны. И каждую ночь просыпаешься с криком...

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила я.

Витя сглотнул.

— Может быть, — проговорил он, — из-за меня тебя кошмары по ночам мучают?

— Из-за тебя? — удивилась я. — Это почему же?

Он пожал плечами.

— По-разному в жизни бывает, — туманно высказался он. — Я ведь тоже когда-то психиатрией увлекался. Ну, просто интересно было. Сейчас-то бизнес у меня все силы ■ отнимает, не до хобби уже... Так вот, я читал,

что если человека не устраивает его сексуальный партнер и он не может сказать об этом прямо, то постоянно подавляемое желание будет мучить человека и в конце концов может вылиться в какое-нибудь заболевание. Ну, или как у тебя — постоянные кошмарные сны.

Витя замолчал и уставился на меня долгим печальным взглядом, который мне так у него нравился.

— Глупости, — сказала я, — ты, Витя, говоришь глупости. Подавляемое желание? Нет, кошмарные сны никак не связаны с тем, что... с тобой, одним словом, они не связаны, тем более и встречаемся-то мы всего три месяца, а сны меня начали мучить не так давно.

— Второй месяц после того, как мы стали жить вместе, — уточнил Витя. — Спать вместе...

— Глупости, — настаивала я, хотя что-то дрогнуло у меня в груди. — Глупости, — еще раз повторила я, чтобы убедить больше саму себя.

Я свернулась под одеялом клубочком, а Витя дотянулся до стола и поставил пепельницу. Я почувствовала, как он снова лег, поудобнее устроившись на подушках.

— Половина седьмого, — сказал он, —

хоть часок бы еще поспать. Надеюсь, на этот раз ты меня не разбудишь?

— В половине восьмого, — ответила я, — как обычно.

— А, ну это само собой...

Через несколько минут он уже ровно задышал, а мне, конечно, не спалось. Черт знает, что творится со мной. Никогда у меня такого не было — чтобы какие-то сны так действовали на обычное мое поведение. Дошло ведь до того, что вечером боюсь ложиться в постель. Пью снотворное, чтобы скорее уснуть. И совсем перестала спать одна — только чтобы рядом Витя был.

Я улыбнулась, выбравшись из-под одеяла. Витя... Вот уже третий месяц, как у меня появился самый родной и любимый в этом мире человек. А я-то думала, что такого со мной уже не случится. Нет, не потому что я старая и уродливая настолько, что от одного моего взгляда вянут цветы и подымают домашние животные... Напротив — я достаточно молода и очень симпатична, как говорят. А все дело в том, что колдунья. Или, как это принято называть языком науки, человек, обладающий исключительными паранормальными способностями. Экстрасенс. И соответственно — мой образ жизни несколько отличается от того, что ведут нормальные, обыкновенные люди.

Е. Савина

■ Однако обо всем по порядку...

Я действительно обладаю исключительными экстрасенсорными способностями, доставшимися мне в наследство от моей прабабушки, которую в деревне, где она жила, называли ведьмой... Ведуньей...

Мой дар позволяет мне видеть образы в сознании собеседника, проникать в его подсознание и тем самым узнавать его намерения и просчитывать ходы поведения; и вовсе неважно, на каком языке мой собеседник разговаривает. Не так давно, изучая соответствующую литературу и постоянно практикуясь, я поняла, что могу воздействовать на человеческую психику и даже — манипулировать людьми. Ну, манипулировать — это слишком громко сказано. Теоретически — я могу управлять человеком, контролируя его сознание, но вот практически...

Не секрет, что на нашей планете есть люди, обладающие возможностями несравненно бóльшими, чем остальные. Понятно, о ком идет речь, это колдуны, маги, ведьмы... Экстрасенсы и предсказатели. Одни используют свой дар во зло, а другие...

Кстати говоря, только совсем недавно я поняла, что имеющий экстрасенсорный дар просто не должен оставаться в стороне, если другой такой же экстрасенс использует свой дар во зло людям. Здесь не может быть ниче-

го наполовину, и надо выбирать: либо — черное, либо — белое.

Так вот, я безоговорочно приняла сторону, противоположную черному, идущему во вред людям колдовству. И стараюсь следовать своим принципам всегда и везде, защищать людей, попавших в сети обладающих паранормальными способностями ублюдков.

Экстрасенсорными способностями обладала и моя сестра-близнец. Это она помогла мне раскрыть в себе неведомую доселе силу. Теперь Наталья мертва, а человек, погубивший ее и, кстати, когда-то обнаруживший в ней самой экстрасенсорный талант и развивший его, все еще жив.

Сколько раз я пыталась добраться до убийцы сестры; дважды он, проигрывая поединок со мной, ускользал. Но убить его мне так и не удалось. Я знаю совершенно точно, что он жив и где-то — в какой-то точке земного шара — набирает силы для окончательной битвы...

Его зовут Захар. Он — единственный мой настоящий заклятый враг. Смертельный враг! И он не успокоится, пока не убьет меня. А я не успокоюсь, пока не доберусь до него.

Сколько мне еще предстоит жить в ожидании последней — решающей — битвы?

Однако и без Захара, о котором я уже несколько лет ничего не слышала, мне хватает

проблем. Несколько месяцев назад я сама едва не стала жертвой одного старого убийцы, обладающего исключительными способностями к гипнозу и прочим разновидностям внушения. И мне крупно повезло, что я и мои друзья, Васик, Даша и моя новая подруга Нина, остались живы.

Этот старик, а звали его дядя Моня, сейчас заключен в тюрьму. Несомненно, это один из самых талантливых колдунов, которых я встречала, не считая, конечно, Захара.

Дурман, который благодаря действиям дяди Мони, довольно серьезно затуманил мне мозги, не рассеивался окончательно достаточно долго. Еще, наверное, с неделю меня мучило смутное беспокойство, то и дело беспричинный страх охватывал меня. Тогда-то, в тот не самый приятный и легкий период моей жизни я и познакомилась с Виктором.

* * *

В тот день неслышно притаившийся в моей душе осадок страха выгнал меня из дома. Я так поспешно покинула свою квартиру, что даже не успела как следует одеться и забыла кошелек. Около моего дома был старый парк, почти заброшенный, и я любила гулять в нем. Отправилась туда и теперь.

Бесцельно бродя там, я не раз пожалела, что не успела как следует одеться, и, конеч-

но, мысль о забытых дома деньгах не оставляла меня ни на секунду.

Тех денег, что я обнаружила у себя в карманах куртки, мне хватило лишь на пачку не очень дорогих сигарет и на чашку растворимого кофе, тепло которого я, как могла, растянула в полутемной, затянутой сине-серым табачным дымом забегаловке.

Из забегаловки пришлось вскоре уйти — не сидеть же там до вечера с пустой чашкой. Но домой тоже не тянуло. Небо над головой всегда немного успокаивало, однако ходить по улицам мне тоже не особенно хотелось: я все ждала, вот-вот остановится у обочины машина, откуда высунется ухмыляющаяся харя старухи, подельницы дяди Мони, или его самого; поэтому очень обрадовалась, когда набрела на полупустой осенний парк, безлюдный из-за испортившейся вдруг погоды.

То и дело налетал ветер, свинцовое небо того и гляди готово было обрушиться дождем. Сидеть на скамейке было холодно, поэтому, подняв воротник и сунув руки в карманы, я ходила по бесконечным аллеям, усыпанным хрупкими красно-желтыми листьями.

Путаные мысли метались в голове. Нехорошо мне было — муторно и беспокойно. И так захотелось теплого человеческого участия, что я собралась уже было, забыв о том,

что у меня нет денег, зайти в любое более или менее приличное кафе и присоединиться к первой попавшейся компании. Даже зашла в какую-то закусочную, но после того, как мне показалось, что за одним из столиков сидит дядя Моня и, не мигая, смотрит на меня, я пулей выскочила на улицу и долго не могла унять дрожь во всем теле.

Лучше уж дрожать от холода, чем от ужаса!..

В глубине парка раздавался какой-то шум. Я знала, что вблизи, за деревьями, кафе с варварским названием «Мравалжамиер», хозяином заведения был выходец из Грузии Лукайя Думбадзе. В «Мравалжамиере» дневали и ночевали земляки Думбадзе, и в любое время суток оттуда слышались заунывные грузинские песни.

Вспомнив об этом, я вспомнила и об одной забавной истории, которую когда-то давно, когда я еще жила в своем родном провинциальном городке, рассказала мне по телефону моя сестра Наталья, только-только приехавшая в Москву и поселившаяся в маленькой комнатке на окраине города, деля эту комнатку с девушкой-соседкой, выпускницей политехнического института, так же, как и моя сестра, приехавшей покорять Москву.

Наталья и ее подруга несколько раз бывали в этом кавказском кафе — они прихо-

дили сюда пообедать. Хитроумная соседка заказывала обед на двоих и, пока Наталья ела, соседка строила глазки женолюбивым посетителям, преимущественно, конечно, кавказской национальности.

Уже через несколько минут у девушек на столе появлялось вино, а спустя какое-то время — и черноусые кавалеры, которые никак не могли допустить того, чтобы такие красивые девушки сами за себя расплачивались.

Трудности начинались по окончании застолья. Наталья и ее соседка уверяли черноусых, что завтра у них, прилежных студенток, экзамен, и им нужно во что бы то ни стало к нему готовиться.

Черноусые обычно долго и громко уговаривали поехать к кому-нибудь из них в гости. Сытая и слегка пьяная Наталья не видела в этом необходимости, а вот ее соседка нередко принимала приглашения...

Я пугалась этих рассказов и предостерегала сестру — как ни трудно полуголодное существование в чужом городе — не пускаться в подобные авантюры...

И вот сейчас, привлеченная развеселыми песнями на непонятном языке и дразнящим запахом традиционного жареного мяса, я остановилась у начала аллеи, ведущей к «Мравалжамиеру». Мне показалось даже,

что я чувствую тонкий и терпкий аромат хорошего грузинского вина.

«Будь что будет, — подумала я, — попробую повторить подвиг своей сестры, пообещаю за счет гостеприимных кавказцев, ну или просто поговорю с кем-нибудь, сидя в теплом заведении, — уж на чашечку чая-то у меня денег, наверное, хватит. А если дело примет плохой оборот... что ж. Я же все-таки колдунья, а не какая-нибудь беззащитная девчонка. Пойду в кафе!»

Так и поступила.

Однако, как того следовало ожидать, дело приняло-таки нежелательный оборот, и, когда несколько нетрезвых кавказцев, предварительно накормив и напоив меня, стали слишком навязчиво зазывать в гости — хватать за руки и другие части тела, совсем не приспособленные для такого неделикатного обращения, — я хотела было уже пустить в ход свои паранормальные способности, но неожиданно вмешался оказавшийся случайно в том самом «Мравалжамиере» Витя, и необходимость в моих экстрасенсорных действиях сама собой отпала — Витя очень быстро внушил гостям столицы уважение к русским девушкам при помощи своих удивительно крепких кулаков.

Вот так мы и познакомились. Впоследствии я рассказала ему о том, что, испытывая глубокую депрессию, захотела пощекотать

себе нервы и чуть не влипла в историю. Говорить же Вите о своих экстрасенсорных способностях и том страшном стрессе, который пережила, я не стала, боясь, что вся эта чертовщина его отпугнет, а ведь он мне так нравился — высокий, светловолосый и голубоглазый, с безупречной мускулатурой и классическим профилем, напоминавшими мне античного бога, особенно в определенные интимные минуты.

Месяц мы встречались с Витей, гуляли по улицам, сидели в ресторанах, а потом стали жить вместе. Он уже несколько раз намекал мне, что неплохо было бы узаконить наши отношения, но всякий раз я уходила от ответа. Мне казалось, рановато. Всего три месяца вместе... Нужно присмотреться друг к другу получше, тогда и решать, что дальше делать.

И все было бы хорошо в моей жизни, даже замечательно, если бы не эти кошмарные сны, которые последнее время просто не давали мне покоя...

Но зачем, однако, мне идти к каким-то психиатрам, как предлагает Витя? Я же все-таки экстрасенс, хотя он об этом и не догадывается. Помогу себе сама.

За окном заметно посветлело. Я осторожно, чтобы не потревожить Витю, поднялась с постели и подошла к окну. Двор покрыл нежнейший утренний снежок — пер-

вый в этом году. Полюбовавшись на это чудо природы, я отошла и рассеянно взглянула на часы.

Господи! Без двадцати восемь! Вот размечталась-то и забыла разбудить Витю! Хорошо еще, что вовремя спохватилась. Теперь, если поспешит, то не опоздает на свой брифинг... Или как там у них называются важные мероприятия бизнесменов.

А мне на работу к десяти.

Я села на кровати рядом со спящим Витей и тронула его за плечо.

Глава 2

— Васик, — позвала Нина из прихожей, — это к тебе!

— Ко мне? — переспросил Васик, не отрываясь от компьютера. — Даша?

— Нет.

— Ольга?

— Васик, к тебе пришли! — повторила Нина. — Выключи, пожалуйста, свою проклятую машину и выйди сюда!

Голос Нины звучал как-то необычно, даже — встревоженно, как определил Васик. Поэтому он быстренько отключил компьютер и отправился в прихожую.

Нина стояла к нему вполоборота, а у самого порога, даже, кажется, слегка прислонившись спиной к закрытой двери, — ослепи-

тельной красоты женщина в застегнутом от пяток до самой шеи длинном белом плаще.

— З... здравствуйте, — слегка зажмурясь, оторопело поздоровался Васик, — а вы к кому?

— К тебе, Василий, — проговорила женщина голосом усталым и потухшим. — Здравствуй.

— Проходите, — сказала Нина, делая шаг к Васику и легонько подталкивая его в сторону, чтобы освободить проход госте. — Проходите, я сейчас подогрею чай, мы как раз собирались завтракать.

Нина проговорила последнюю фразу, обращаясь больше к Васику. Он кивнул, а она еще раз глянула на нежданную гостью и удалилась в кухню, как-то странно глянула — оценивающе, что ли.

Впрочем, и Васик не сводил глаз с красавицы. Во-первых, наверное, потому что она была действительно хороша собой, хороша той особенной зрелой красотой, которая обычно свойственна женщинам, в юности ничем особым в своей внешности не выделявшимся.

Женщина явно знала Васику, а вот он ее никак припомнить не мог. И спросить не решился.

— Не узнал? — заметив замешательство на его лице, спросила женщина.

■ — Честно говоря, нет, — признался

Васик, — что странно, — поспешил он сгладить неловкость. — Если бы я такую красивую женщину хоть раз увидел, точно бы запомнил...

Произнеся эти слова, Васик невольно оглянулся на дверь, за которой скрылась Нина. Женщина усмехнулась. Как-то странно усмехалась — уголком рта, чуть приоткрыв влажный рот и едва обнажив белейшие зубы. Как-то странно и вместе с тем безумно привлекательно усмехалась.

— Меня Катей зовут, — представилась она, — а фамилия моя Морозова. Помнишь, Васик, город Сочи, гостиницу «Лазурный берег»...

Васик внимательней взгляделся в лицо гостьи и вдруг тихо охнул.

— Катя... — прошептал он, — так это ты? Господи, никогда бы не узнал, если бы сама не сказала! Ты стала такая... такая... У меня прямо слов не хватает. А ведь столько лет прошло с тех пор, как мы с тобой... — Не договорив, он внезапно смешался и снова оглянулся на кухонную дверь.

— Шесть лет, — спокойно и устало проговорила женщина, — шесть лет.

— Ты... изменилась, — не зная, о чем говорить, как-то глупо произнес Васик.

Катя снова усмехнулась уголком рта.

— А... А что же ты мне не звонила все эти годы? — Васик заговорил тише, поминутно

оглядываясь на дверь кухни, за которой Нина нарочито громко звенела чайной посудой, словно пытаясь показать, что ни капельки не беспокоится и не ревнует — просто давняя знакомая зашла, что в этом такого. Как раз чай вскипел — можно и чаем гостью напоить. — Что же ты мне не звонила? — блуждая глазами по стенам, между тем продолжал Васик. — Ты ведь в Москве живешь? Ага, я помню... А мы условились, как только в Москву вернемся, тут же созвониться. Ты на две недели раньше меня уезжала. Почему же ты...

— Перестань, — негромко оборвала его Катя, и Васик тут же смолк. — Ты же мне телефон дал не свой, а какой-то химчистки на окраине города.

— Ну, правильно, ну, я помню... — смотря упорно в пол и дергая себя за спадающие на глаза пряди волос, бормотал Васик. — Я же тогда просто пошутить хотел, а потом... потом собирался тебе мой настоящий телефон дать... Ну и не получилось... Ты уж прости, — выдохнул он наконец и замолчал.

— Да я и не сержусь, — проговорила женщина.

Дверь в кухню распахнулась.

— Ну что же вы? — звонко крикнула от плиты Нина. — Чай давно уже на столе. Через несколько минут будут оладушки. Проходи-

те! Васик, что там с тобой? Приглашай гостью...

— Оладушки, — робко пробормотал Васик, поднимая глаза на Катю, — они того... вкусные. Нина очень хорошо печет, — зачем-то добавил он.

— Значит, повезло тебе с женой, — растегивая и снимая плащ, заметила Катя.

Васик с запоздалой прытью ринулся помогать. Он принял плащ из ее рук и повесил в шкаф, предварительно тщательно стряхнув с рукава почти невидимую приставшую пылинку. Покончив с плащом, он неуклюже рухнул на колени и сунулся было развязывать шнурки на сапожках женщины.

— С ума сошел? — усмехнулась гостья. — А если жена войдет?

— Она... она не жена, — проговорил Васик, поднимаясь на ноги и вытирая пот с совершенно пунцового лица. — Пока не жена.

— Тем лучше для нее, — непонятно высказалась гостья и отодвинула в сторону сапожки.

Васик пригладил волосы и безмолвно — жестом — пригласил гостью на кухню.

Рассевшись за столом, все трое некоторое время молчали. Нина, занимавшаяся у плиты приготовлением оладушек, несколько раз оборачивалась и удивленно смотрела на Васика, а тот каждый раз опускал глаза. Катя, попросив разрешение, закурила.